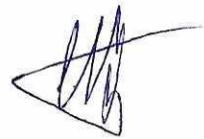

На правах рукописи

Табачников Юрий Юрьевич

**КОММУНИКАТИВНЫЕ УГРОЗЫ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ НЕМЦЕВ
(на материале современной художественной литературы)**

5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре немецкой и французской филологии высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода института гуманитарных и социальных наук ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Научный руководитель:

Газизов Рафаэль Аркадьевич
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Петрова Елена Александровна
доктор филологических наук, доцент
Федеральное государственное казённое
образовательное учреждение высшего
образования «Уфимский юридический
институт МВД России», заведующий
кафедрой иностранных и русского языков

Кабанова Ирина Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Нижегородский
государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова»,
заведующий кафедрой английской филологии

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов

Защита состоится «23» мая 2025 года в 10 ч. 00 мин. часов на заседании диссертационного совета 24.2.479.11 на базе ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», по адресу: 480008, г. Уфа, ул. К. Маркса, д.12.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» и на сайте <https://uust.ru/>.

Автореферат разослан «___» ____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд.филол.наук, доцент

Рюкова

А. Р. Рюкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено изучению вопроса о коммуникативных угрозах в речевом общении немцев. Выбор данной проблемы обусловлен интересом современного языкознания к теме межкультурной коммуникации, в рамках успешного осуществления которой важную роль играет адекватное владение коммуникантом механизмами эффективной коммуникации, включающими способы нивелирования коммуникативных угроз.

Актуальность исследования заключается в необходимости выявления и описания угрожающих коммуникации речевых и неречевых актов в современном немецкоязычном лингвокультурном пространстве, так как общество представляет собой сложную, противоречивую, постоянно меняющуюся социальную систему, что обуславливает и постоянную смену норм коммуникативного этикета и поведения. Это, в свою очередь, определяет актуальность изучения вопроса о коммуникативных угрозах в немецком языке непосредственно в его сегодняшнем состоянии.

Учитывая тот факт, что в настоящее время межкультурная коммуникация с каждым днём приобретает всё большее и большее значение, анализ и подробное изучение рассматриваемого вопроса представляет собой важный аспект в рамках модернизации методик по освоению немецкого языка как иностранного. Кроме того, актуальность изучения выбранной темы заключается в недостаточной степени исследования коммуникативных угроз непосредственно на материале современной немецкоязычной художественной литературы.

В современном языкознании изучение проблемы коммуникативных угроз и, соответственно, коммуникативной вежливости как средства их минимизации и нивелирования находится в тесной связи с психологическими аспектами вежливого взаимоотношения между людьми, нормами и правилами этикета: по этой причине исследователи рассматривают не только вербальные, но и невербальные, а также паралингвистические механизмы актуализации коммуникативных угроз. Таким образом, именно этот подход к изучению данного вопроса является сегодня наиболее актуальным. Проблема коммуникативных угроз и вежливости в коммуникации в настоящее время представляет значительный интерес непосредственно в аспекте межкультурной коммуникации, когда нормы и особенности общения одного лингвокультурного сообщества отличаются от таковых в другой культуре. Тем не менее, в связи с постоянным изменением языка (его лексического состава, синтаксических конструкций и проч.), можно утверждать, что на сегодняшний день данный вопрос остаётся актуальным.

Степень разработанности темы исследования. Обзор лингвистической и лингвокультурологической литературы последних десятилетий показывает, что коммуникативные угрозы в речевом общении представляют значительный интерес для современных языковедов. Целый ряд исследователей опубликовали труды, посвящённые изучению данного феномена: А. Н. Баранов, Л. В. Белова, Л. М. Закоян, Т. С. Каримова, Я.-А. В. Лето, О. В. Новоселова, Е. А. Петрова, А. М. Плотникова, А. А. Романов, Ю. В. Щербинина, B. Fraser, F. Poyatos, A. Zarend и мн. др.

Однако, в аспекте речевого общения представителей современного немецкоязычного лингвокультурного сообщества на базе практического материала художественной литературы последних лет концепт коммуникативных угроз ещё недостаточно изучен: отсутствуют работы, посвящённые анализу данного явления на материале живого, разговорного немецкого языка.

Объектом исследования являются коммуникативные угрозы в немецкой лингвокультурной общности, а средства выражения коммуникативных угроз в художественном дискурсе составляют **предмет исследования**.

Гипотеза исследования базируется на предположении о том, что в немецкоязычной художественной прозе превалируют угрозы позитивному и негативному лицу реципиента сообщения в силу давно сложившихся культурно обусловленных доминант.

Цель работы состоит в выявлении и описании способов и специфики функционирования коммуникативных угроз в немецкой лингвокультуре.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- обобщить материал по теоретическим основам изучения речевого общения, коммуникативного поведения, категории вежливости;
- описать структуру коммуникативного поведения в аспекте речевого общения;
- определить соотношение ключевых для работы понятий «коммуникативное поведение» (в его вербальном и невербальном аспекте) и «речевое поведение», «коммуникативная угроза» и «коммуникативная агрессия», позитивное и негативное лицо коммуниканта;
- проанализировать ликоугрожающие акты в немецкой лингвокультуре;
- рассмотреть употребляемые в немецкой лингвокультурной общности стратегии и средства реализации лингвистической вежливости, служащие для минимизации и нивелирования угроз позитивному / негативному лицу адресата / адресанта.

Теоретическая база исследования представляет собой уже ставшие классическими, а также современные исследования отечественных и зарубежных учёных:

- в области коммуникативных угроз и конфликтной коммуникации (Л. В. Бабина, Т. А. Воронцова, Е. Б. Гришанина, И. Н. Кабанова, Я.-А. В. Лето, О. В. Новоселова, Е. А. Петрова, А. А. Романов, Ю. В. Яковлева, B. Fraser, F. Poyatos, A. Zarend и др.);
- в сфере коммуникативного поведения и речевого общения (Т. Г. Винокур, И. В. Журавлёв, Н. Ю. Каценеленбоген, А. В. Павловская, Л. С. Полякова, Ю. Е. Прохоров, Ю. С. Старостина, И. А. Стернин, М. А. Стернина, Е. В. Тараков, Е. Ф. Таракова, С. Г. Тер-Минасова, Н. И. Формановская, Т. А. Чеботникова, Л. Г. Юсупова и др.);
- по теме стратегий коммуникативной вежливости и бесконфликтной коммуникации (Н. Н. Болдырев, Г. Р. Власян, В. И. Карасик, Т. В. Ларина, Н. Л. Соколова, С. С. Тахтарова, Л. А. Фурс, R. Brown, E. Goffman, G. Held, W. Lange, S. Levinson, H.-H. Lüger, A. Montandon, N. Nixdorf, A. Zarend и др.);
- по теории речевых актов (J. Austin, G. Leech, J. Searle и др.).

Также были использованы следующие лексикографические источники: Словарь лингвистических терминов; Большой энциклопедический словарь под ред. А. М. Прохорова; Толковый словарь русского языка; Социологический энциклопедический словарь; Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя; Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология; Duden – Das Fremdwörterbuch; Duden – Wörterbuch; Oxford English dictionary.

Методологическую базу представляет собой обработка и анализ материала на основе комплекса методов, таких как:

- дефиниционный анализ, используемый при определении содержания представляющих значимость для работы понятий;
- метод контекстуального анализа, подразумевающий под собой анализ возможных вариантов оформления коммуникативных угроз;
- прагмалингвистический анализ, применявшийся для исследования речевых актов;
- метод сплошной выборки при анализе художественных произведений современных немецкоязычных авторов в рамках подбора практического материала исследования;

- метод верификации результатов и выводов, представленный в виде статистического анализа данных, которые были получены в ходе практической части работы.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- 1) Впервые на новом языковом материале осуществлена каталогизация средств выражения коммуникативных угроз через призму коммуникативной вежливости. Реализация речевых / неречевых актов угрозы рассмотрена как двусторонний процесс, способный в большинстве случаев нанести вред не только адресату, но и собственно адресанту сообщения.
- 2) На новом языковом материале осуществлена оценка частотности употребления конкретных речевых / неречевых актов, угрожающих успешному ходу коммуникации, а также описаны механизмы их манифестации в языке и проанализированы основные последствия их использования участниками коммуникативной деятельности.
- 3) Впервые в русле антропоцентрической научной парадигмы с учетом такого важного параметра, как языковая личность, типологизирован теоретико-практический материал, релевантный для определения условий, при которых происходит минимизация или полное устранение коммуникативной угрозы в свете стратегий и тактик, восходящих к позитивной / негативной вежливости.
- 4) Впервые изучение коммуникативных угроз в речевом общении немцев перенесено в русло немецкоязычного художественного дискурса, в содержании которого наиболее выпукло проступает тенденция доминирования индивидуализма над коллективизмом через реализацию стратегий и тактик, характерных для негативной вежливости.

Теоретическая значимость заключается в том, что разработка в рамках настоящего исследования вопросов коммуникативного поведения и речевого общения, анализ коммуникативных угроз, стратегий коммуникативной вежливости, теории речевых / неречевых актов вносит вклад в такие науки, как лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика. Данная работа способствует углублению знаний об особенностях и последствиях применения коммуникантами коммуникативных угроз в речевом общении, а также о способах минимизации и нивелирования подобных речевых / неречевых актов. Теоретическую значимость также представляет проведённый в ходе работы анализ коммуникативных угроз по критерию частотности их употребления немецкоязычными коммуникантами в речи.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования основных положений и материалов диссертации при чтении лекционного курса германского языкознания, спецкурсов по современному коммуникативному этикету немецкой лингвокультурной общности, а также при написании учебно-методических пособий по немецкому языку, страноведению, межкультурному общению. Результаты исследования могут быть взяты за основу для разработки справочника по коммуникативным угрозам и стратегиям коммуникативной вежливости в современном немецком языке с целью организации успешного хода коммуникации, минимизации и нивелирования исходящих от тех или иных речевых / неречевых актов угроз, а также рекомендаций по успешному достижению коммуникативных целей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Коммуникативные угрозы в немецкоязычной художественной прозе манифестируются как через речевые, так и через неречевые акты, что подчеркивает их универсальный характер. При этом, дискурсивные практики, принятые в немецком лингвокультурном сообществе, указывают на то, что речевые акты угрозы наносят урон позитивному / негативному лицу адресата / адресанта в большей степени, в отличие от неречевых средств – мимики, жестов, различных поз, непроизвольных движений.

2. В современном немецком языке речевые / неречевые акты, несущие в себе угрозу позитивному лицу адресата, встречаются в большей степени. Среди подобных актов в немецком художественном дискурсе преобладают следующие: обсуждение вызывающих разногласия / трепетных тем; сообщение собеседнику плохих новостей; противоречия / вызовы; выражение неодобрения / критики, высмеивание; противодействие коммуникативным намерениям собеседника. В свою очередь, речевые / неречевые акты, несущие угрозу позитивному лицу адресанта, довольно малочисленны: среди них можно отметить речевые акты принесения извинений.

3. Помимо позитивного лица коммуниканта повреждается также негативное лицо. В сравнении с негативным лицом адресанта, негативное лицо адресата (слушающего) подвергается угрозам чаще: среди ликоугрожающих актов в данном аспекте подавляющее большинство составляют речевые акты призыва / просьбы, а также предложения совершить то или иное действие. В то же время, негативное лицо адресанта (говорящего) подвергается угрозе сравнительно нечасто. Преобладают ликоугрожающие акты выражения благодарности, принесения извинений, а также обещания совершить нежелательное действие в будущем.

4. Для минимизации или, в отдельных случаях, полного нивелирования исходящей от тех или иных речевых / неречевых актов угрозы используются соответствующие стратегии и механизмы позитивной / негативной вежливости. Стратегии негативной вежливости применяются в рамках нивелирования угрозы лицу от речевых актов «приказ», «совет», «предупреждение», «предложение». Стратегии позитивной вежливости употребляются для минимизации угрозы от таких речевых / неречевых актов, как: «выражение критики», «противоречие / несогласие», «упоминание табуированных тем», «противодействие коммуникативным намерениям собеседника».

Материалом исследования послужили диалоги персонажей пятнадцати художественных произведений современных немецкоязычных авторов, таких как: А. Бир, Ф. Буххольц, М. Зутер, Д. Леон, К. Майер, О. Руге, С. Станишич, В. Херрндорф, Й. Эрпенбек и др. Общий объём практического материала составляет 5037 страниц, всего проанализировано 532 примера ликоугрожающих актов. Единицами анализа стали угрожающие коммуникации речевые / неречевые акты, среди которых можно выделить наиболее часто употребляемые и опасные для эффективного хода коммуникации. В аспекте позитивного лица – это выражение критики и неодобрения, противодействие коммуникативным намерениям собеседника, упоминание в ходе коммуникации потенциально опасных тем (религии, политики и др.); в аспекте негативного лица – приказы и указания, советы, угрозы и предупреждения. Кроме того, также проводится анализ частотности применения немецкоязычными коммуникантами в рамках повседневного общения неречевых ликоугрожающих актов посредством мимики, жестов и др.

Достоверность полученных в рамках диссертации результатов и выводов высока, что обеспечивается хорошей апробацией, применением в ходе исследования соответствующих поставленным задачам методов работы.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендована к защите. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки):

- п. 9. Текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран;
- п. 10. Методы исследования языковых единиц и категорий: структурные и функциональные исследования конкретного языка или языковой семьи, корпусные исследования языка или языковой семьи, когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка или языковой семьи; вопросы перевода различных единиц лексического, грамматического, стилистического уровней с одного языка на другой;

– п. 11. Исследование уровневой и культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний, в том числе, в разных языковых сообществах представителей конкретного языка или языковой семьи.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены на следующих всероссийских и международных конференциях:

- VI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (г. Уфа, 2021 г.);
- XI Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (г. Челябинск, 2022 г.);
- XV и XVI Всероссийские научно-практические конференции с международным участием «Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы» (г. Уфа, 2022, 2023 гг.).

По материалам проведенного исследования опубликовано 11 научных работ, 3 из них вышли в свет в рецензируемых изданиях, рекомендованных перечнем ВАК Министерства науки и высшего образования РФ: «Вестник Башкирского Университета» (г. Уфа, 2022 г.), «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки» (г. Архангельск, 2024 г.), «Казанская наука» (г. Казань, 2024 г.), а также статьи РИНЦ в журналах «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» (г. Курск, 2024 г.), «Доклады Башкирского университета» (г. Уфа), «Научный альманах» (г. Тамбов) и других.

Объем и структура диссертации обуславливаются обозначенными задачами. Данная работа объёмом 182 страницы состоит из введения, трёх глав, выводов по главам, заключения, списка сокращений и условных обозначений. В список литературы вошли 169 научных трудов отечественных и зарубежных учёных, 10 словарей и справочников. Также приводится список источников практического материала из 15 произведений современных немецкоязычных авторов, послуживших материалом для эмпирической части исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследуемой темы, обозначаются цели и задачи исследования, научная новизна, теоретическая и практическая ценность работы, указываются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические аспекты изучения коммуникативного поведения и речевого общения в отечественной и зарубежной лингвистике**» представлен обзор теорий коммуникативного поведения в его вербальном и невербальном аспекте, а также анализ речевого общения. Коммуникативные угрозы – объект настоящего исследования – необходимо изучать в рамках коммуникативного поведения и речевого общения, поскольку угрозы реализуются непосредственно в процессе коммуникативного взаимодействия общающихся. Среди исследователей нет однозначной точки зрения касательно данного вопроса: существует ряд различных подходов к проблеме соотношения данных понятий.

В разделе 1.1. **К определению понятий коммуникативного поведения и речевого общения** анализируется теория коммуникативного поведения, в развитие которой неизмеримый вклад внёс отечественный лингвист И. А. Стернин: именно он ввёл понятие коммуникативного поведения (далее КП) в научный оборот и заложил основы изучения этого вопроса. Теории коммуникативного взаимодействия имеют объектом своего исследования социально обусловленную активность коммуникантов, направленную на достижение какой-либо определённой цели коммуникации. И. А. Стернин предлагает рассматривать КП непосредственно с точки зрения целого народа, а не отдельно взятого

индивидуа. Кроме того, необходимо проводить анализ КП в рамках контрастивного подхода, т.е. в сопоставлении с КП какого-либо другого лингвокультурного сообщества.

КП народа, как правило, характеризуется рядом доминантных черт, т.е. особенностей, встречающихся в подавляющем большинстве коммуникативных ситуаций и у значительного числа носителей языка. Необходимо подчеркнуть непосредственную важность для организации хода речевого общения общепринятых правил взаимодействия в социуме.

Зарубежные авторы придерживаются позиции, что коммуникация в первую очередь является не обменом высказываниями, но определённой функцией в рамках некоего действия: она обуславливается образом действий коммуникантов, и, в то же время, сама обуславливает его. КП индивида обуславливается его личными жизненными ценностями, а речевое общение подчиняется определённым социальным нормам.

В разделе 1.2. Функциональные особенности межличностной коммуникации рассматриваются основные функции языка: фатическая, побудительная и др., в том числе обусловленность и подчинённость языка принятым в социуме нормам, важное место среди которых занимает интересующая нас концепция вежливости. В рамках данного исследования мы не обращаемся к массовой коммуникации: коммуникативные угрозы мы рассматриваем непосредственно в аспекте межличностного взаимодействия общающихся, в рамках которого реализуется ряд различных функций языка.

Проанализировав функции языка, мы заключаем, что некоторые из них имеют непосредственную связь с рассматриваемым нами явлением коммуникативных угроз: речь идёт об апеллятивной, волонтативной и конативной функциях. Так, с директивными речевыми актами просьбы / приказа реализуется именно волонтативная функция, которая воплощает в себе те случаи использования языка, когда говорящий ставит своей целью непосредственно воздействовать на адресата: побудить его к какому-то действию или запретить ему что-либо делать.

В разделе 1.3. Теории коммуникативного взаимодействия описываются теория коммуникативного поведения, модели речевого общения и речевой ситуации, теория речевых актов.

В подразделе 1.3.1. Теория коммуникативного поведения описывается соответствующая теория, которая впервые была представлена в работах отечественного лингвиста И. А. Стернина. Для нашей работы актуальным представляются два компонента КП – его вербальный / невербальный аспекты. Однако, в структуре коммуникативного поведения И. А. Стернин также выделяет другие элементы: национальный характер и доминантные особенности общения, национальный социальный символизм.

Основным компонентом КП является вербальное коммуникативное поведение – комплексное явление, введённое в научный оборот также И. А. Стерниним: сюда можно отнести нормы и установки представителя того или иного лингвокультурного сообщества в конкретных условиях коммуникации. Речь идёт о речевом этикете и его клишированных формах; особенностях общения делового и повседневного; с близкими и семьей / малознакомыми людьми и др.

Проанализировав составные компоненты коммуникативного поведения, мы приходим к выводу, что некоторые из них также играют немаловажную роль в аспекте коммуникативных угроз и вежливости в общении. Так, мы отмечаем особенности национального характера, доминантные в лингвокультурном сообществе особенности общения, а также социальный символизм как компоненты коммуникативного поведения, играющие роль в аспекте коммуникативных угроз в речевом общении.

В подразделе 1.3.2. Модели речевого общения и речевой ситуации исследуются соответствующие модели, т.к. именно в рамках речевого общения проявляется коммуникативное поведение общающихся.

Среди учёных, оказавших наибольшее влияние на изучение моделей речевого общения необходимо выделить российско-американского лингвиста Р. О. Якобсона: отличительным подходом исследователя к рассматриваемому нами вопросу было понимание

контекста как ситуации. Р. А. Газизов указывает на определенный недостаток модели Р. О. Якобсона: учёный игнорирует такие важные компоненты коммуникации, как мотив и цель общения – без них общение в принципе невозможно. Мы согласны с точкой зрения Р. А. Газизова, т.к. считаем цель неотъемлемой частью любой коммуникации априори – без учёта этого компонента общения, изучение данного явления представляется нам непрактичным.

Рассматриваемая нами в рамках данного исследования проблема коммуникативных угроз при реализации в ходе общения находится под экстралингвистическим воздействием такого фактора, как речевая ситуация. Под данным термином понимают комплекс внешних условий общения и внутренних психологических реакций общающихся, результатом которых и является побуждение к общению, а чтобы речь возникла, таким образом, необходимо наличие адресата и адресанта, нужна тема, определённое место для организации коммуникации, время оформления речевого высказывания, его причина и цель.

В подразделе 1.3.3. Теория речевых актов даётся трактовка данной теории в аспекте концепта коммуникативных угроз, т.к. речевая ситуация является экстралингвистическим фактором реализации коммуникативных актов. В непосредственной зависимости от речевой ситуации находится собственно речевой акт. Под речевым актом понимают конкретно взятый отдельный акт речевого взаимодействия общающихся, представляющий собой двусторонний процесс порождения высказывания, с одной стороны, и его восприятия, с другой.

Вопросом изучения коммуникативных угроз и вежливости в языке занимается лингвистическая прагматика, а её базис составляет теория речевых актов (команд, вопросов и др.), оформление которых в речи подчинено определённым правилам. Речевое общение протекает, как правило, в диалогической форме при помощи различных речевых актов. Наиболее значительный вклад в разработку данного вопроса внесли зарубежные исследователи, в том числе британские учёные Джон Сёрль, Джон Остин.

В разделе 1.4. Речевые акты как средство реализации коммуникативного поведения рассматриваются речевые акты, при помощи которых в языке могут реализовываться те или иные коммуникативные угрозы. Главным составным компонентом коммуникативного поведения является его вербальный аспект, реализующийся посредством речевых актов. Посредством рассмотренных в данном разделе речевых актов в языке могут реализовываться те или иные коммуникативные угрозы. Так, к примеру, директивные речевые акты в прямой форме обладают в немецкой лингвокультуре серьёзной угрозой для лица собеседника.

Вторая глава «Коммуникативные угрозы в структуре коммуникативного поведения» посвящена анализу коммуникативных угроз (*face threatening acts, gesichtsbedrohende Sprechakte*). Это могут быть определённые речевые / неречевые акты (к примеру, побудительные: приказы, советы, команды – все они в той или иной степени повреждают лицо собеседника) или сама тематика разговора (обсуждение табуированных тем, таких как личная жизнь, религия и т.д.).

В разделе 2.1. Коммуникативные угрозы как объект отечественных и зарубежных исследований описывается понятие коммуникативной угрозы. Под коммуникативной угрозой нами понимается явление, потенциально способное в том или ином виде повредить адресату или адресанту – подобные угрозы регулярно встречаются в межличностном общении. Следует отметить, что в данном исследовании мы различаем угрозу как отдельный речевой акт (в прямом смысле этого слова), с одной стороны, а также коммуникативную угрозу как нечто, потенциально способное тем или иным образом нарушить успешный ход коммуникации, с другой.

Однако, обзор лингвистической литературы, посвящённой данному вопросу, показывает многообразие подходов к изучению интересующего нас понятия. Так, Я.-А. В. Лето приводит следующее понимание агрессии, которая может актуализироваться посредством угроз: «чувство злости или ненависти, что может проявляться в угрозах или жестоком поведении» [Лето, 2022, с. 17]. Кроме того, в лингвистическом аспекте угрозу

можно определить как «высказывание, содержащее сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-либо действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершил или, наоборот совершил какое-либо действие» [Закоян, 2009, с. 47]. Взгляды исследователей на угрозу разнятся. Так, некоторые рассматривают данное явление не только как непосредственно выполнение одноимённого акта, но также и как «решение определенной коммуникативной задачи: повысить самооценку, победить в споре, занять ведущую позицию в конфликте, противостоять предшествующей речевой агрессии» [Щербинина, 2006, с. 77]. Как пишет Е. Г. Петрова, «источником конфликтного дискурса является речевой конфликт. От других дискурсов его отличают определенные особенности. Так, конфликтный текст, как правило, строится на неком противоречии или конфликте между участниками акта общения. Одной из причин возникновения конфликтной ситуации и конфликтного речевого действия коммуникантов является неоднозначная интерпретация субъектами правовой коммуникации речевых актов, происходящих между ними» [Петрова, 2022].

Некоторые ученые также употребляют термины высказывание-угроза / высказывание со значением угрозы / менасив и подчёркивают, что носители языка встречаются с данными явлениями в разнообразных сферах повседневной жизни. Л. В. Белова указывает на следующую дефиницию угрожающего высказывания: «вербализованное, письменное или переданное в электронном виде сообщение, которое содержит прямое или косвенное указание на какое-либо событие, последствия которого окажут негативное воздействие на адресата либо иных лиц, с ним связанных» [Белова, 2021]. При этом, субъективную оценку репликам, содержащим в себе угрозу, общающиеся дают на основе собственного прошлого опыта. Угрозы, таким образом, являются социальным феноменом, предполагающим основанные на речевой агрессии конфликтные отношения между коммуникантами.

А. Н. Баранов выделяет несколько типов угроз по принципу экспликации их семантики: угрозы-наказания (как санкция за что-либо), угрозы-предупреждения, угрозы-понуждение (к выполнению / невыполнению того или иного действия) [Баранов, 2022]. Т. С. Каримова приводит также следующую дефиницию угрозы: «... один из видов психического насилия над личностью. Угроза может быть выражена устно и письменно, демонстрацией намерения нанести физический, материальный или иной вред лицу или его правам и интересам, охраняемым законом» [Каримова, 2022]. Кроме того, следует также отметить ряд идентификационных признаков угрозы: наличие цели, результата объекта, а также временная ориентированность на будущее.

Л. В. Белова предлагает разграничивать уровни угрозы: в зависимости от вероятности выполнения названного действия / наступления тех или иных последствий для собеседника, стоит разделять угрозы низкого / среднего / высокого уровня. Маркерами угрозы первого типа могут служить лексически смягчённые средства языка и сослагательное наклонение, неправдоподобность и отсутствие деталей в описании возможных действий / событий. В случае с угрозами среднего и высокого уровня, градус правдоподобности и количество деталей, соответственно, увеличиваются. Помимо прочего, можно также проводить разграничение между угрозами прямыми и косвенными [Белова, 2021].

Учитывая тот факт, что угроза может лишать участников общения комфорта в рамках коммуникации, А. А. Романов и О. В. Новосёлова предлагают рассматривать коммуникативный концепт угрозы в качестве некой реалии, находящейся между оценочными понятиями комфортного / дискомфортного состояния коммуниканта. Таким образом, посредством манифестационных и функционально-семантических характеристик, присущих угрозам, собеседники могут влиять на эмоциональное состояние партнёров по коммуникации [Романов, Новоселова, 2021].

А. М. Плотникова подчёркивает, что процесс анализа угрозы предполагает под собой учёт ряда критериев: коммуникативной ситуации, коммуникативных тактик общающихся, специфики и тональности коммуникативного взаимодействия [Плотникова, 2017]. Кроме того, учёные делают акцент на недостатке теоретического осмысления когнитивной

специфики угрозы. Таким образом, незакрытым остаётся вопрос о том, как именно коммуникант идентифицирует и классифицирует угрозы, а также какими критериями он при этом руководствуется.

Нельзя выделить какие-либо полноценные теории и концепции коммуникативной угрозы и приходим к выводу, что большинство научных работ посвящены угрозе как непосредственному речевому акту. Анализ словарей также показывает, что угроза рассматривается лишь в этом аспекте. В рамках нашего исследования мы анализируем коммуникативные угрозы, т.е. угрозы как коммуникативное явление, потенциально способное нарушить успешный ход коммуникации. Явление угрозы непосредственно в этом её понимании недостаточно изучено, в связи с чем необходимо подробнее разобрать данное понятие и соотнести его с явлением коммуникативной агрессии.

В разделе 2.2. К вопросу о соотношении понятий «коммуникативная угроза» и «коммуникативная агрессия» данные явления рассматриваются в соотношении друг с другом, описываются их сходства и различия.

Для реализации коммуникативной угрозы в языке существуют как вербальные, так и невербальные средства. Однако, если коммуникативные угрозы могут реализовываться посредством определённых речевых актов (к примеру, акт критики, неодобрения и др.) или же в рамках особенностей коммуникативного поведения той или иной лингвокультуры (например, разного рода характерные черты национального характера, доминантных особенностей общения, семиологии конкретно взятого лингвокультурного сообщества), то с коммуникативной агрессией дело обстоит несколько иначе.

Для реализации агрессии коммуникант прибегает к обсценной лексике, вульгаризмам, брани, негативно окрашенным лексемам и проч. – т.е. применяется так называемая инвективная лексика. Среди употребляемых невербальных средств и в том, и в другом случае нередко можно отметить одни и те же средства. Так, непосредственным признаком невербального и паралингвистического выражения коммуникантом агрессии могут быть сжатые кулаки, телодвижения, интонация и агрессивный тон голоса, нахмуренные брови – т.е. элементы моторной реакции, мимики, просодики.

Под речевой агрессией понимается «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда» [Каримова, 2022]. В то же время, мы хотим отметить и отличия в невербальных средствах реализации рассматриваемых нами явлений: коммуникативные угрозы, к примеру, редко сопровождаются телодвижениями участника коммуникации.

Поводом для возникновения коммуникативной угрозы, как правило, является непосредственно сам характер речевого акта (к примеру, просьба или совет – данные речевые акты всегда априори несут в себе угрозу негативному лицу адресата). С другой стороны, причиной появления коммуникативной агрессии обычно служит намеренное желание коммуниканта, провокация, либо же низкий уровень его культуры или образования.

Мы придерживаемся точки зрения исследователей, которые отмечают более узкий характер самого понятия «коммуникативная угроза», относимого языковедами к составным элементам агрессии, которая представляет собой, таким образом, нечто более крупное.

В разделе 2.3. Вежливость как механизм нивелирования коммуникативных угроз проводится анализ существующих подходов к понятию коммуникативной вежливости. На сегодняшний день существует целый ряд разработанных подходов к изучению проблемы лингвистической теории вежливости в разных аспектах: как теория сохранения лица (П. Браун, С. Левинсон), как этическая категория (Н. И. Формановская), как речевые максимы (Дж. Лич, П. Г. Грайс), как оценка социального статуса человека (В. И. Карасик).

Исследователи выделяют целый ряд аспектов, соблюдение которых является краеугольным камнем во взаимодействии с другими людьми. Так, Т. В. Ларина называет вежливость центральной коммуникативной категорией, выступающей базисом в общении и отвечающей за регулирование поведения коммуникантов, а также позволяющей проследить его логику. Н. И. Формановская рассматривает речевой этикет как вербализацию

вежливости, т.е. её выражение в рамках общения. Сам концепт «вежливость» имеет отношение не только к нормам внешнего поведения, но также и к обычаям, традициям, ритуалам – всё это вместе обеспечивает социальную жизнь общества. В то же время, Н. И. Формановская подчёркивает тесную взаимосвязь, но отнюдь не идентичность понятий речевого этикета и вежливости. Речевой этикет вкупе с вежливостью позволяет установить в рамках общения неконфликтные отношения между коммуникантами, нивелировать конфликты.

Немалый вклад в исследование вопросов вежливости внёс немецкий лингвист В. Ланге, работы которого базируются на более ранних исследованиях И. Гофмана, а также П. Браун и С. Левинсона. В. Ланге делает акцент на культурных особенностях и социальной структуре общества как на важных факторах определения характерных особенностей вежливости, нормах хорошего тона и такта, а также ценностей, принятых в том или ином лингвокультурном сообществе.

В разделе 2.4. Концепция лица в социологических и лингвистических исследованиях рассматривается концепция позитивного / негативного лица участников общения. Объект нашего исследования – коммуникативные угрозы – направлены на неудовлетворение потребностей лица коммуниканта. В этой связи актуализируется понятие лица, под которым Э. Гофман понимает социальный образ человека, состоящего из особых видов желаний индивида, присваиваемых участникам коммуникации [Goffman, 1967b]. Выделяют стремление коммуниканта быть неподверженным действиям собеседника (негативное лицо) и желание быть оценённым / принятым (позитивное лицо).

Лицо каждого отдельного участника коммуникации находится в непосредственной связи с партнёром по общению: повредив лицо адресата, адресант также наносит урон и своему лицу, т.к. в подобном случае страдает и сам ход коммуникации в принципе. Лицу свойственен динамизм: данный концепт не является чем-то постоянным – лицо индивида может быть повреждено или даже полностью потеряно. П. Браун и С. Левинсон формулируют следующие тезисы [Brown, Levinson, 1988, с. 59-61]:

- каждый состоявшийся член общества обладает (и осознаёт, что этим обладают и остальные члены общества) лицом – публичным образом в обществе, состоящим из двух взаимосвязанных частей: позитивного лица – желания быть оценённым, принятым другими; негативного лица – желания свободы действий и свободы от давления извне. Все участники общения стремятся прибегать к средствам, которые бы помогали в удовлетворении их коммуникативных целей;
- учитывая, что лицо состоит из набора стремлений, удовлетворяемых непосредственно другими участниками коммуникации, как правило, соблюдение нужд лица собеседника является общим интересом для каждого из коммуникантов;
- некоторые действия общающихся несут угрозу позитивному / негативному лицу участников коммуникации и именуются угрожающими лицу актами (УЛА);
- если только кто-то из коммуникантов не желает намеренно нанести ущерб лицу собеседника, он будет стремиться минимизировать угрозу, исходящую от УЛА.

В разделе 2.5. Ликоугрожающие акты приводится описание всех речевых / неречевых актов, несущих в себе угрозу лицу коммуниканта. В рамках коммуникации может быть повреждено позитивное / негативное лицо адресата / адресанта. Подобные речевые акты обозначаются нами как угрожающие лицу акты (далее УЛА).

В подразделе 2.5.1. Речевые / неречевые акты, угрожающие позитивному лицу адресанта / адресата перечисляются соответствующие УЛА.

- 1) Речевые / неречевые акты, напрямую повреждающие позитивное лицо адресанта:

- выражение неодобрения, критики, высмеивание, жалобы, замечания, обвинения, оскорблений;
- противоречия, несогласие, вызовы;

- непочтительность, упоминание тем-табу;
- упоминание плохих событий, случившихся с адресатом / хороших, случившихся с адресантом (хвастовство);
- упоминание потенциально опасных в разговоре / тревожных, вызывающих разногласие тем: политики, расы, религии и т.д.;
- явное противодействие коммуникативным намерениям собеседника: перебивание его реплик, использование нелогичных / непоследовательных высказываний в диалоге, демонстрация безразличия к словам собеседника;
- обращение к собеседнику по титулу / званию и т.д.

Кроме прочего, отдельно стоит выделить демонстрацию вышедших из-под контроля / крайне сильных эмоций (даёт адресату повод бояться адресанта или испытывать за него стыд). Данный ликоугрожающий акт может актуализироваться при помощи неречевых средств: фонологических особенностей (коммуникант повышает голос), соответствующей мимики или лексики.

2) Речевые / неречевые акты, напрямую повреждающие позитивное лицо адресанта:

- принесение извинений;
- выслушивание комплиментов;
- потеря контроля над собственным телом, падение, спотыканье и т.д.;
- самоунижение, «валяние дурака», противоречие самому себе и др.;
- признание собственной вины в чём-то / ответственности за что-то;
- потеря контроля над своими эмоциями (неконтролируемый плач / смех и др.).

Подраздел 2.5.2. Речевые / неречевые акты, угрожающие негативному лицу адресанта / адресата посвящён описанию УЛА, повреждающих негативное лицо участников общения. Среди подобных ликоугрожающих актов можно выделить следующие:

1) Речевые / неречевые акты, напрямую повреждающие негативное лицо адресата:

- приказы и указания;
- предположения, советы;
- напоминание;
- угрозы, предупреждения, вызовы;
- предложения;
- обещания;
- комплименты, выражение зависти или восторга;
- выражение сильных негативных эмоций по отношению к адресату, таких как ненависть, злость, вожделение.

2) В свою очередь, среди актов, угрожающих негативному лицу адресанта, можно выделить следующие:

- выражение благодарности;
- принятие благодарности или извинений от адресата;
- оправдания, отговорки;
- принятие предложений (о помощи) также ставит адресанта в положение долга перед адресатом;
- реакция адресанта на бесактный / некрасивый / неуместный поступок адресата.
- обещания и предложения совершиТЬ нежелательное действие в будущем.

В третьей главе «Средства выражения коммуникативных угроз в немецкой лингвокультуре» проводится анализ угрожающих лицу речевых актов на примерах практического материала – диалогов персонажей из произведений современной художественной литературы на немецком языке. Кроме того, в ходе данной главы осуществляется анализ возможных стратегий нивелирования коммуникативных угроз.

Понятие ликоугрожающих актов актуализируется в рамках стремления участников любой коммуникации соблюсти нормы вежливости и речевого этикета, принятых в лингвокультурном сообществе для того, чтобы успешно достигнуть цели коммуникации.

В разделе 3.1. Методика исследования коммуникативных угроз описывается применяемый в рамках данного исследования механизм анализа практического материала. Ряд исследователей разделяют точку зрения, что письменные тексты речевых жанров представляют собой хороший материал для анализа pragматических аспектов, таких как категория вежливости или речевые акты. Продолжительное время анализ художественных произведений находился в сфере интересов преимущественно только лишь литературных критиков. Можно выделить четыре категории угрожающих лицу речевых актов, анализ которых проводится в практической части работы:

- акты, угрожающие позитивному лицу адресата;
- акты, угрожающие негативному лицу адресата;
- акты, угрожающие позитивному лицу адресанта;
- акты, угрожающие негативному лицу адресанта.

В разделе 3.2. Средства выражения коммуникативных угроз для позитивного лица представлен анализ практического материала соответствующих речевых / неречевых актов.

Подраздел 3.2.1. Речевые / неречевые акты, повреждающие позитивное лицо адресанта посвящён рассмотрению соответствующих УЛА. Среди наиболее часто употребляемых из них можно выделить следующие:

- принесение извинений:

«Ich bitte um Verzeihung, murkte Emmerich. «Nächstes Mal warten wir natürlich auf Sie.»

«Schon gut. Sparen Sie sich Ihren Zynismus.» [Beer, 2021, с. 94].

«Я прошу прощения», пробурчал Эммерих. «В следующий раз мы, конечно, подождём Вас.»

«Ну хватит. Держите свой цинизм при себе.»

В извинении Эммериха собеседник распознает фальшь, а потому даже стратегия вежливости «извиняйтесь» не возымела должного эффекта – позитивное лицо адресата всё-таки было повреждено.

- признание собственной вины в чём-то / ответственности за что-то:

«Ich bitte um Verzeihung, Herr Christiani, das ist ganz allein mein Fehler», sagte Vorweg im gleichmütigen Tonfall... [Knobelsdorf, 2022, с. 151].

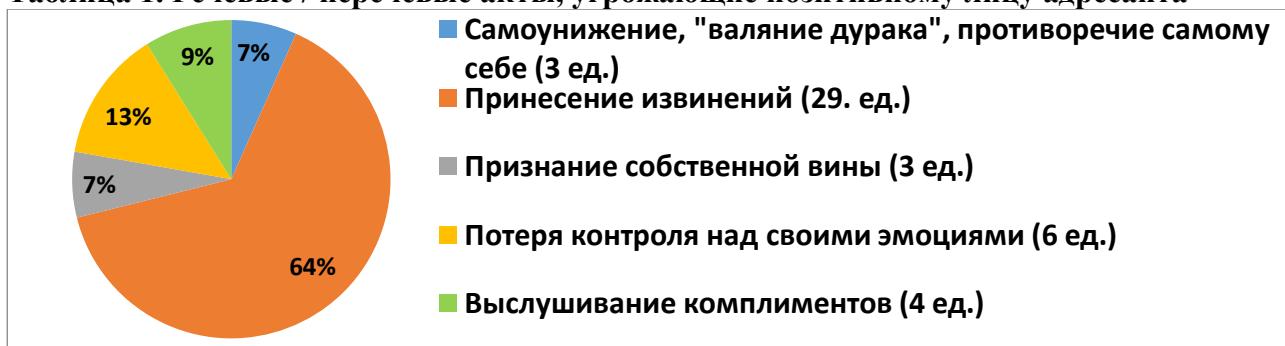
Christiani hob die Brauen.

Я прошу прощения, господин Кристиани, это целиком и полностью моя ошибка, сказал Форвег.

Кристиани поднял брови.

Признание собственной ошибки повреждает позитивное лицо адресанта. Нередко подобное поведение собеседника наносит урон не только его собственному лицу, но также и окружающим. Реакцию адресата в данном случае можно посчитать как раз таким случаем. Проанализированные нами угрожающие позитивному лицу адресанта речевые акты можно проиллюстрировать в Таблице 1:

Таблица 1. Речевые / неречевые акты, угрожающие позитивному лицу адресанта

Представленный график демонстрирует, что общее число проанализированных диалогов, в которых встречаются речевые акты, несущие в себе угрозу позитивному лицу адресанта, составляет 45 единиц. Подавляющее большинство подобных речевых актов представляют собой примеры речевого акта принесения извинений (29 ед., 64%). Примерно в равном количестве нами были выявлены также речевые акты самоуничтожения (3 ед., 7%), признания собственной вины (3 ед., 7%), потери контроля над своими эмоциями (6 ед., 13%) и высказывания комплиментов (4 ед., 9%). Итого 45 единиц.

В подразделе 3.2.2. Речевые / неречевые акты, повреждающие позитивное лицо адресата рассматриваются соответствующие ликоугрожающие акты. Среди наиболее часто употребляемых угрожающих лицу актов, повреждающих позитивное лицо адресата, можно выделить следующие:

- выражение неодобрения и критики, высмеивание, жалобы, замечания, обвинения, оскорблений:

«*Wir müssen die Frage nach dem Motiv in den Mittelpunkt stellen. Es wird uns zum Täter führen.*»
 «Was Sie nicht sagen!» Der sarkastische Unterton in Emmerichs Stimme war nicht zu überhören.
 «Da wären Inspektor Winter und ich im Leben nie draufgekommen.» [Beer, 2021, с. 72].
 «Надо сосредоточиться на выяснении мотива. Так мы выйдем на преступника.»
 «Да что Вы говорите!» Саркастический тон в голосе Эммериха нельзя было ни с чем спутать. «Мы с инспектором Винтером никогда в жизни бы до этого не додумались.»

Высмеивая собеседника, Эммерих, тем самым, пренебрегает нуждами его позитивного лица. Проанализировав примеры подобных ликоугрожающих актов, мы приходим к выводу, что они довольно часто встречаются в речевом общении немцев.

- явное противодействие коммуникативным намерениям собеседника:

«*Mein Name ist Sandor Adler. Ich bin ...*»
 «... Irrenarzt», vervollständigte Emmerich den Satz.
 «*Psychoanalytiker.*» Adler streckte seine Hand aus [Там же, с. 53].
 «Меня зовут Зандор Адлер. Я....»
 «...Мозгоправ», закончил за него Эммерих.
 «*Психоаналитик.*» Адлер протянул руку.

Уничтожительно называя коллегу мозгоправом, к тому же ещё и перебивая, заканчивая предложение Адлера за него – Эммерих повреждает позитивное лицо молодого человека. Дав Адлеру самостоятельно представиться, полицейский мог бы избежать данного ликоугрожающего акта. Основываясь на всех проанализированных нами угрожающих позитивному лицу адресата речевых актах, можно составить следующий график (Таблица 2):

Таблица 2. Речевые / неречевые акты, угрожающие позитивному лицу адресата

На основе данных графика мы приходим к выводу, что наибольшее употребление в современном немецкоязычном лингвокультурном сообществе находят следующие речевые / неречевые акты, угрожающие позитивному лицу адресата: противоречие / несогласие / вызов (41 ед. 19%), выражение неодобрения / критики (52 ед., 23%), упоминание потенциально опасных / трепетных / вызывающих разногласия тем (54 ед., 23%).

Несколько реже встречаются следующие речевые / неречевые акты: упоминание плохих новостей, случившихся с адресатом / хороших новостей, случившихся с адресантом (24 ед., 10%), противодействие коммуникативным намерениям собеседника (31 ед., 14%), непочтительность и упоминание тем-табу (19 ед., 9%), обращение к собеседнику по титулу / званию (24 ед., 10%, демонстрация вышедших из-под контроля / крайне сильных эмоций (1 ед., менее 1%). Итого 246 единиц.

Раздел 3.3. Средства выражения коммуникативных угроз для негативного лица посвящён анализу ликоугрожающих актов, повреждающих негативное лицо участника коммуникации

В подразделе 3.3.1. Речевые / неречевые акты, повреждающие негативное лицо адресанта рассматриваются соответствующие УЛА. Акты, угрожающие негативному лицу адресанта, встречаются относительно редко. Среди наиболее употребительных из них можно выделить следующие:

- оправдания, отговорки:

«*Vor allem habe ich heute frei...*»

«*Das heißt?*»

«*Das heißt, Sie werden sich gedulden müssen.*» [Beer, 2021, с. 153].

«*Во-первых, у меня сегодня выходной...*»

«*И это значит?*»

«*Это значит, Вам придётся проявить терпение...*»

Не желая прозвучать невежливо, адресат оформляет отказ помочь собеседнику, употребляя модальный глагол, что является в немецком языке одним из часто употребляемых средств минимизации угрозы лицу.

- реакция адресанта на бесактный / некрасивый / неуместный поступок адресата:

«*Sie sei emanzipiert, sagt sie.*»

«*Emanzipiert*, korrigierte Winter. «*Das schreibt man mit i.*»

«*Von mir aus kann man das mit x schreiben.*» [Там же, с. 21].

«*Она, говорит, эмансипирована.*»

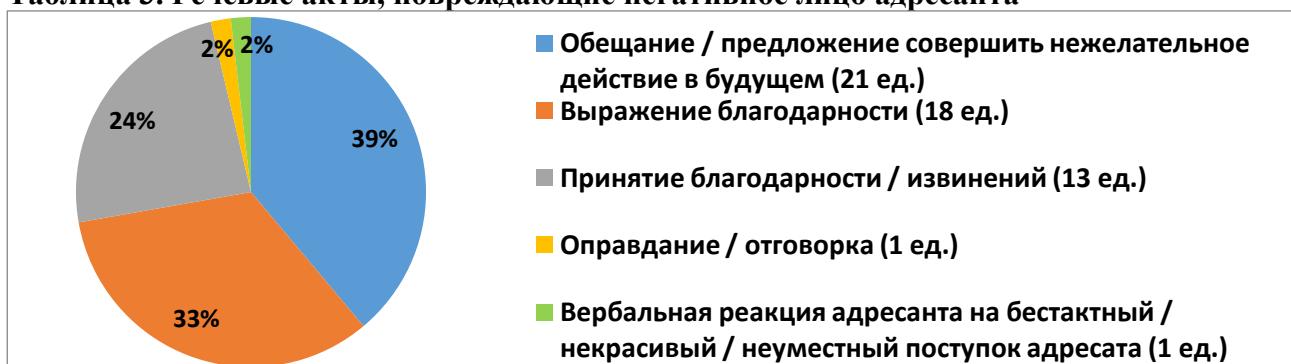
«*Эмансипирована*, поправил его Винтер. «*Пишется через и.*»

«*Да пусть хоть через что пишут.*»

Поправляя товарища, совершившего очевидную ошибку в произнесении слова, Винтер повреждает как свое негативное лицо, так и лицо собеседника: ответная реплика мужчины даёт понять его недовольство этой поправкой со стороны коллеги.

На основе проанализированных практических материалов мы получили следующие статистические данные относительно речевых актов, угрожающих негативному лицу адресанта (Таблица 3):

Таблица 3. Речевые акты, повреждающие негативное лицо адресанта

Данные графика демонстрируют, что довольно часто в аспекте тех УЛА, которые несут в себе угрозу негативному лицу адресанта, в современном немецком языке актуализируются речевые акты обещания / предложения совершить нежелательное действие в будущем (21 ед., 39%), выражения благодарности (18 ед., 33%), а также принятия благодарности / извинений (13 ед., 24%). Практически не встречаются в повседневной коммуникации речевые / неречевые акты оправданий / отговорок (1 ед., 2%), реакции адресанта на бес tactный / некрасивый / неуместный поступок адресата (1 ед., 2%). Итого нами проанализировано 54 единицы подобных УЛА.

Подраздел 3.3.2. Речевые / неречевые акты, повреждающие негативное лицо адресата посвящён анализу соответствующих УЛА. По мнению ряда исследователей, наибольшую угрозу негативному лицу адресата несут в себе приказы и прямые приказы / просьбы:

«*Du kommst jetzt mit, habe ich gesagt.*»

«*Du hast mir gar nichts zu sagen.*» [Spreckelsen, 2023, с. 8].

«*Я сказал ты сейчас же пойдёшь со мной.*»

«*Ты мне не указ.*»

Как мы видим по ответной реакции адресата просьбы – его негативное лицо серьёзно повреждено: именно по этой причине он довольно грубо отвечает собеседнику.

- предположения, советы (адресант показывает, что считает, что адресату стоит совершить какое-то действие):

«*Ich muss leider noch nach Canmore fahren*», sagte Garner. «*Alle Hotels sind ausgebucht.*»...

«*Bullshit*», sagte der Commissioner... «*Das Bullenreiten lassen wir uns nicht entgehen! Sie übernachten natürlich bei mir. Wenigstens eine Nacht.*»

Garner stöhnte innerlich [Buchholz, 2022, с. 38].

«*К сожалению, мне ещё нужно ехать в Канмор*», сказал Гарнер. «*Все отели полностью забронированы.*» ...

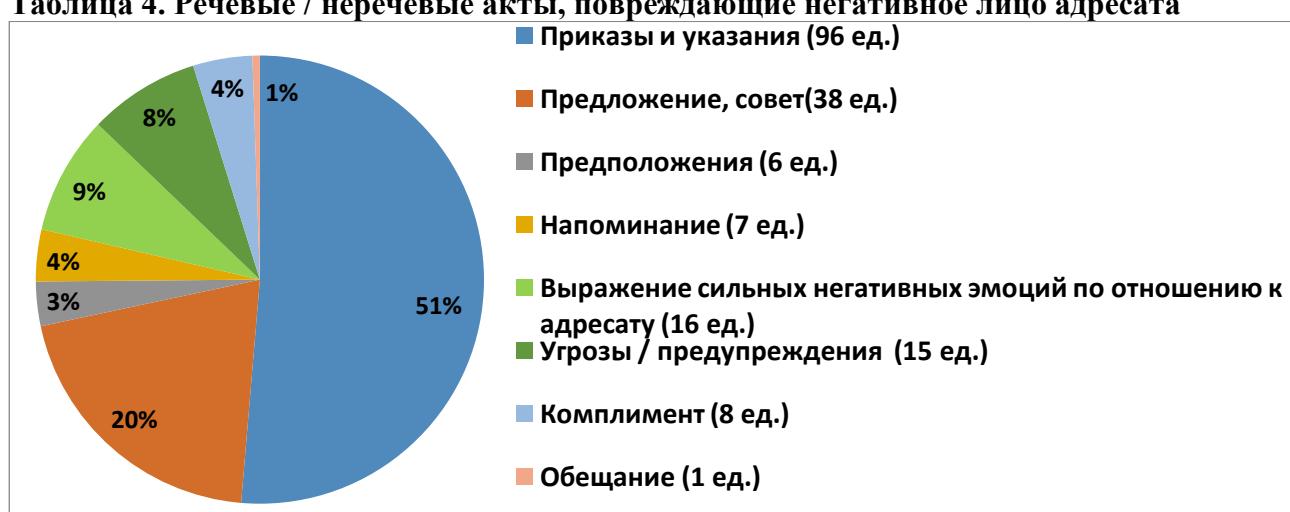
«*Глупости*», сказал комиссар... «*Скачки на быках мы пропустить не можем!* Вы, разумеется, переночуете у меня. По крайней мере одну ночь.»

Гарнер мысленно издал стон.

Гарнер всеми возможными вариантами хочет сбежать от комиссара, не желая тратить своё время на неинтересные ему мероприятия. Однако, комиссар не понимает этого, продолжая убеждать собеседника поехать вместе на скачки. Мысленно стоная, Гарнер даёт понять: ему неприятно подобное пренебрежение к собственному негативному лицу

Основываясь на проанализированных практических материалах, мы получаем следующие статистические данные относительно речевых / неречевых актов, угрожающих негативному лицу адресата (Таблица 4):

Таблица 4. Речевые / неречевые акты, повреждающие негативное лицо адресата

Согласно графику, доминирующее положение среди речевых / неречевых актов, наносящих урон негативному лицу адресата, занимают приказы и указания (96 ед., 54%). Довольно часто встречаются также и речевые акты предложения / совета (38 ед., 21%).

Относительно редко и примерно в равном количестве нами были обнаружены речевые акты предложения (6 ед., 3%), напоминания (7 ед., 4%), угроз / предупреждений (15 ед., 9%), выражения комплимента (8 ед., 4%), обещания (1 ед., менее 1%), а также речевых / неречевых актов выражения сильных негативных эмоций по отношению к адресату (16 ед., 9%). Итого 187 единиц.

В ходе практической части работы были проанализированы 532 УЛА. Из них 291 относятся к речевым / неречевым актам, повреждающим позитивное лицо. Можно привести следующую статистику: 246 речевых / неречевых актов наносят урон позитивному лицу адресата (51 пример речевого акта неодобрения / критики; 41 пример противоречия / несогласия; 2 примера демонстрации вышедших из-под контроля эмоций; 24 примера упоминания плохих событий, случившихся с адресатом / хороших, случившихся с адресантом; 54 примера упоминания потенциально опасных в разговоре / вызывающих разногласие тем; 31 пример явного противодействия коммуникативным намерениям собеседника; 24 примера обращения к собеседнику по титулу / званию; 19 примеров речевых актов непочтительности / упоминания тем-табу).

Нами были обнаружены лишь 45 примеров речевых / неречевых актов, повреждающих позитивное лицо адресанта. Это позволяет сделать вывод о том, что подобные УЛА довольно малочисленны: 29 примеров речевого акта извинения; 6 примеров речевых актов потери контроля над своими эмоциями; 3 примера самоунижения / «валяния дурака» / противоречия самому себе; 3 примера признания собственной вины; 4 примера выслушивания комплиментов со стороны собеседника.

Примеры речевых / неречевых актов, наносящих урон негативному лицу, встречались чуть менее часто: нами был рассмотрен 241 соответствующий диалог. В большей степени угрозе подвергается негативное лицо адресата – 187 примеров. Подавляющее большинство из них являются иллюстрациями употребления в рамках коммуникации речевых актов приказа / просьбы – 96 ед. Основываясь на этом, мы заключаем, что именно приказы и просьбы являются наиболее часто встречающейся угрозой успешному ходу коммуникации в современном немецкоязычном лингвокультурном сообществе. Остальные речевые / неречевые акты не обладают большой частотой употребления: предложения совершить какое-либо действие – 38 ед.; угрозы / предупреждения – 15 ед.; выражение сильных негативных эмоций по отношению к адресату – 16 ед.; предложения / советы – 6 ед.; речевые акты напоминания – 7 ед.; выражение комплимента – 8 ед.; обещание – 1 ед.

Угрозы негативному лицу адресанта довольно редки (всего 54 ед.). Их несут в себе речевые / неречевые акты выражения благодарности (16 ед.); оправдания и отговорки (3 ед.); обещания и предложения совершить нежелательное действие в будущем (18 ед.); принятие благодарности / извинений (13 ед.); реакция адресанта на бестактный / некрасивый / неуместный поступок собеседника (1 ед.); обещание / предложение совершить нежелательное действие в будущем (3 ед.).

Таким образом, на основе проанализированного практического материала становится ясно, что в рассматриваемом нами немецком лингвокультурном сообществе чаще актуализируются речевые / неречевые акты, повреждающие позитивное / негативное лицо адресата, в то время как угрозы лицу адресанта, в принципе, встречаются значительно реже.

Среди конкретных ликоугрожающих речевых / неречевых актов, наиболее часто встречающихся в коммуникации, помимо приказов и просьб, можно выделить УЛА критики и противодействия коммуникативным намерениям собеседника, а также противоречие собеседнику, разговоры на трепетные / вызывающие разногласия темы, предложение совершить то или иное действие.

В разделе 3.4. Способы преодоления коммуникативных угроз анализируются стратегии позитивной / негативной вежливости, направленные на минимизацию урона,

исходящего от соответствующих речевых актов, а также описываются максимы вежливого общения. В рамках межличностного общения всегда существует вероятность возникновения преград для успешного достижения цели коммуникации. Чтобы избежать или нивелировать подобные угрозы, были разработаны соответствующие теории вежливости, описывающие возможные в рамках коммуникации угрозы и предлагающие соответствующие стратегии для их минимизации.

Для того, чтобы коммуникация завершилась успехом, необходимо владеть технологиями по минимизации ликоугрожающих актов. Таким образом, вводятся понятия позитивной и негативной вежливости. П. Браун и С. Левинсон, однако, предлагают различать 2 основных вида стратегий вежливости:

- позитивную вежливость, задачей которой является сохранение позитивного лица (выражение «солидарности» с собеседником);
- негативную вежливость, направленную на защиту негативного лица (держанность, ограничение давления на собеседника).

Среди стратегий позитивной вежливости выделяют три основных механизма. В первую группу относят стратегии, направленные на индикацию «общего / общности», путём демонстрации того, что как адресат, так и адресант принадлежат к одной социальной группе, разделяют общие интересы, цели и т.д.

К примеру, стратегия «обращайте внимание / заботьтесь о слушателе» (его интересах, желаниях, потребностях, собственности). Данная стратегия предполагает, что адресанту стоит обращать внимание на общее состояние адресата (на всё, что выглядит так, будто адресат хотел бы, чтобы на это обратили внимание) [Brown, Levinson, 1988, с. 101]:

*Ого, ты подстригся! Тебе идёт! Кстати говоря, я вообще-то хотел ...;
Ты, должно быть, голоден. Время уже к обеду. Как насчёт...; Какая прекрасная ваза!
Откуда она у тебя?*

Таким образом, данная стратегия вежливости может быть применена для нивелирования УЛА «самоунижение», «признание собственной вины», «потеря контроля над собственным телом», а также «выражение неодобрения / критики».

Ср. также обилие клишированных фраз в данном диалоге, крайне часто употребляемых немецкоговорящими коммуникантами в повседневном общении:

«Vielen Dank, Dr. Martin», sagte Sam <...>.

«Gerne», sagte Dr. Martin. «Keine Ursache.» [Buchholz, 2022, с. 148].

«Большое спасибо, доктор Мартин», сказала Сэм <...>.

«Не за что», сказал доктор Мартин. «Пустяки.»

Выражая благодарность доктору за оказанную услугу, Сэм соблюдает все нужды его негативного лица, за что тот также благодарит её в ответ.

Стратегия «используйте маркеры принадлежности к одной социальной группе» может находить своё употребление в рамках минимизации урона от УЛА «противоречия / несогласие / вызов», «приказы / указания». Среди подобных маркеров можно выделить различные формы прямого обращения к человеку (товарищ, коллега, друг, малыш, дорогая и др.), использование того или иного диалекта / социолекта / жаргона / сленга, а также эллипсиса (т.е. пропуска части слов в предложении, так как подразумевается, что адресат и так всё поймёт).

Подойди сюда, друг;

Помоги мне с сумками, сынок.

Подобные обращения дают понять, что превосходство (разница в статусе, социальном положении) адресанта над адресатом незначительно, в связи с чем просьба не звучит настолько императивно как могла бы. Предпосылкой для употребления в речи эллиптических конструкций является некое общее знание, разделяемое коммуникантами / принадлежность к одной социальной группе.

Негативная вежливость является ключевым элементом вежливого общения (в то время как позитивная составляет ядро скорее дружеской, непринуждённой, фамильярной обстановки при коммуникации). Если позитивная вежливость носит более или менее свободный вариативный характер, негативная вежливость являет собой более чёткий, конкретный набор установок; служит средством минимизации конкретной импозиции, которую несёт в себе УЛА.

Так, одной из стратегий вежливости, направленной на нивелирование урона от УЛА «предложение», а также «обещание» (совершить то или иное действие) является «пресуппозиция» (т.е. предугадывание) желаний и нужд адресата. Речь, в данном случае, идёт о вопросах, ответом на которые, предположительно, должно быть «да» – подобные вопросительные конструкции очень распространены в случаях, когда адресант имеет намерение показать, что он понимает желания / привычки / вкусы адресата:
Хочешь чего-нибудь выпить?

Также можно выделить следующую стратегию: «предполагайте знание адресата». К примеру, использование в речи любого рода терминологии предполагает, что адресат с этой лексикой знаком и понимает её: поэтому, употребление такого рода внутригрупповых маркеров (диалекта, жаргона, профессионализмов) может применяться в рамках стратегий позитивной вежливости, предназначенных для нейтрализации ликоугрожающих актов «противоречия / несогласие / вызов» [Brown, Levinson, 1988, с. 119-121]:

Миля вчера пригласила меня в кино;

Слушай, у меня скоро экзамен. Не одолжишь мне свой Дуден?

В приведённых примерах адресант заранее предполагает, что адресат поймёт, что такое *Дуден*, а также кто такая *Миля*, что и делает подобного рода элементы в словах адресанта одним из вариантов реализации позитивной вежливости.

Таким образом, для минимизации или, в отдельных случаях, полного нивелирования исходящих от тех или иных речевых / неречевых актов угрозы исследователями был разработан ряд соответствующих стратегий вежливости. Разумеется, коммуниканты не всегда прибегают к употреблению в рамках общения необходимых стратегий вежливости, или же употребляют их некорректно. В связи с этим представляется актуальным детальное изучение данного вопроса обучающимися в рамках освоения иностранного языка.

В **заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы диссертации, излагаются перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

Проведённое исследование демонстрирует потенциал дальнейшего изучения данной темы. Результаты могут быть полезны в разработке методологических материалов для курсов изучения ИЯ и страноведческих дисциплин, так как позволяют разобраться в сегодняшнем положении категории вежливости и угрожающих лицу актов в немецком языке. Перспективной темой дальнейшего исследования также может стать изучение социального символизма, национального характера и доминантных особенностей общения в аспекте проявления коммуникативных угроз. Кроме того, перспективным является изучение вопроса о коммуникативных угрозах при виртуальном взаимодействии.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Табачников Ю.Ю., Газизов Р.А. Способы преодоления коммуникативных угроз позитивному лицу адресата (на материале немецкой лингвокультуры) [Текст] / Ю.Ю. Табачников, Р.А. Газизов // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 761-767.

2. Табачников Ю.Ю. Способы выражения коммуникативных угроз негативному лицу адресата/адресанта в немецкой лингвокультуре [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 90-99.
3. Табачников Ю.Ю. Директивные речевые акты просьбы/приказа как угрожающие негативному лицу адресата акты в немецкой лингвокультуре [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Казанская наука. – 2024. – № 9. – С. 267-271.

Публикации в иных научных изданиях

4. Табачников Ю.Ю. О некоторых аспектах изучения категории вежливости в отечественной и зарубежной лингвистике [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред.: Морозкина Е.А. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 91-96.
5. Табачников Ю.Ю. Особенности коммуникативного поведения общающихся в условиях межкультурного взаимодействия [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Доклады Башкирского университета. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 38-42.
6. Табачников Ю.Ю. Средства выражения коммуникативных угроз позитивному лицу адресата (на материале современной художественной литературы) [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Слово, высказывание, текст в когнитивном, pragматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Международной научной конференции / отв. ред.: Нефедова Л.А. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. – С. 153-156.
7. Табачников Ю.Ю. Функционирование иллокутивных речевых актов в аспекте коммуникативной вежливости [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред.: Гатауллин Р.Г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – С. 84-90.
8. Табачников Ю.Ю. К вопросу о стратегиях защиты негативного лица адресата [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Доклады Башкирского университета. – 2022. – Т. 7, № 5. – С. 289-295.
9. Табачников Ю.Ю. Невербальные средства коммуникации в аспекте категории коммуникативной вежливости [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред.: Гатауллин Р.Г. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 108-115.
10. Табачников Ю.Ю. К вопросу о соотношении понятий коммуникативной угрозы и коммуникативной агрессии (на материале художественной литературы на немецком языке) [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Научный альманах. – 2024. – № 6 (116). – С. 95-99.
11. Табачников Ю.Ю. Хеджирование как одна из стратегий негативной вежливости в немецкой лингвокультуре [Текст] / Ю.Ю. Табачников // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2024. – 14 (1). – С. 31-40.

Табачников Юрий Юрьевич

**КОММУНИКАТИВНЫЕ УГРОЗЫ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ НЕМЦЕВ
(на материале современной художественной литературы)**

**5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 19.03.2025 г. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 1,25. Уч.-изд. л. 1,32.
Тираж 120 экз. Заказ 19.

*Отпечатано в отделе полиграфии
управления публикационной деятельности
Уфимского университета науки и технологий
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*